

ГАЗЕТНЫХЪ ВЫРЪЗОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Надеждинская ул., 32. Телефонъ № 61-59.

Названіе газеты

Крымскій Вѣстникъ

Мѣсто выхода ея:

Севастополь

Летучіе листки.

лилипуть.

Театръ лилипутовъ,—что можетъ значить это сочетаніе словъ?

Развѣ есть на землѣ то сказочное царство, куда фантазія сатирика—поэта забросила случайно Гулливера? Кто открылъ и привелъ намъ ея литературу и драму? Какъ могли ея артисты попасть къ намъ, въ Севастополь?

Конечно, такой страны нѣтъ и не было никогда. Но зато есть Севастополь, Симферополь, другіе города, гдѣ живутъ большіе бородатые люди, и гдѣ гастролируютъ труппы лилипутовъ.

И разыгрываютъ они наши обыкновенныя пьесы, написанныя длинными авторами для долгоязыкихъ актеровъ.

Странно думать, что такой театръ можетъ выиграть въ исполненіи лилипутовъ, такъ что хорошо было даже составлять изъ нихъ особыя труппы.

Дѣло, конечно, не въ театрѣ и не въ пьесахъ, которыя они разыгрываютъ, а въ томъ, что они—лилипуть, т. е. маленькіе—маленькіе люди, какихъ не встрѣтишь заурядъ на нашихъ людныхъ улицахъ, и публикѣ занятно смотрѣть на нихъ съ тупымъ любопытствомъ, быть можетъ, смѣяться надъ ними, какъ смѣется она надъ всѣмъ, что необычно.

Вотъ на это кусткамерное любопытство и рассчитываютъ предприниматели театровъ лилипутовъ.

Не анекдотъ, а фактъ, переданный мнѣ одной артисткой театра В. О. Коммиссаржевской:

Приѣхала ихъ труппа на гастроли въ какой-то провинціальный городишко, гдѣ передъ тѣмъ гостили лилипуть.

Когда они, большіе петербургскіе артисты, ходили по улицамъ, прохожіе останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ.

— Это Феона!.. Это—Мундъ!—шопотомъ, сообщали другъ другу.

Когда они заходили куда-нибудь, съ ними охотно вступали въ разговоры, оглядывая ихъ съ ногъ до головы.

— Какъ вы думаете, будемъ мы имѣть успѣхъ? обратился одинъ изъ артистовъ у разговаривавшихъ съ нимъ обывателей.

Тѣ сконфуженно жалась другъ къ другу, еще разъ поглядѣли на нихъ и недовѣрчиво и сострадательно покачали головами.

Наконецъ, кто-то воскликнулъ:

— Вотъ, ежели-бы вы были лилипутами!

И это былъ искренній крикъ тоскующей души обывателя.

Я видѣлъ лилипутовъ на улицѣ. Толпа, среди которой было не мало по виду интеллигентныхъ, то есть хорошо одѣтыхъ людей, не стѣсняясь останавливаться предъ ними, ходить за ними слѣдомъ и глазѣть на нихъ съ раскрытымъ ртомъ и бессмысленной улыбкой на лицѣ.

Потомъ имъ становилось скучно, въ глазахъ блѣднѣло разочарованіе, и какъ тамъ обыватели сожалѣли, что Вѣра Федоровна не лилипутъ, такъ здѣсь досадовали, что эти настоящіе лилипуть—люди, такъ правильно и хорошо сложенные, что всмотрѣвшись забываешь объ ихъ феноменально-маленькомъ ростѣ.

Вотъ, если-бы у нихъ было по двѣ головы или по одному глазу,—тогда было-бы не въ примѣръ интереснѣй!

Становилось обидно за этихъ маленькихъ людей и еще болѣе—стыдно передъ ними.

Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, чуть-чуть не приобрѣлъ себѣ друзей межъ ними.

Милые, славные, маленькіе люди! Сколько межъ ними живыхъ, остроумныхъ. Сколько дѣйствительно красивыхъ, и эта красота выигрывала отъ ювелирной миниатюрности подобно тому, какъ въ сферическомъ зеркалѣ всѣ предметы кажутся такими маленькими, яркими, красивыми. Живые *objets d'art* въ многообразной коллекціи природы.

Когда я вошелъ къ нимъ, мнѣ казалось, что я попалъ въ какое-то сказочное царство, переживаю одинъ изъ дѣтскихъ сновъ, въ которыхъ деревянный солдатикъ приглашалъ фарфоровую куколку танцевать съ нимъ подъ звуки органчика, на которомъ игралъ смѣющийся Петрушка, а желтый плюшевый медвѣжонокъ сердито рычалъ и старался взобраться на крышу жестяного вагона.

Сначала мнѣ было неловко, я смущался, словно стыдился чего то. Но они не смѣялись надо мной, не показывали на меня своими дѣтскими пальчиками. Они были такъ любезны, такъ просты въ обращеніи, что я освоился со своимъ положеніемъ, бесѣдовалъ и шутилъ съ ними, невольно чувствовалъ себя такимъ же, какъ они, и, когда мимо прошелъ декораторъ, онѣ показался мнѣ со своимъ двухъ-аршиннымъ ростомъ уродливымъ и смѣшнымъ великаномъ.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ быть далеко не важными актерами, но, можетъ быть, лучше, что они играютъ: имъ не такъ мучительно, не такъ обидны взгляды толпы, ея металлическій смѣхъ.

Въ Симферополѣ, когда они проходили по улицамъ, какой-то мальчишка изъ толпы, очевидно, подстрекаемый, любопытствомъ и разговорами взрослыхъ, позволилъ по адресу одной крошечной артистки какую-то глупую и грубую выходку. Ея спутникъ поднялъ голову,—онѣ былъ на полъ аршина ниже мальчугана,—и хлыстомъ ударилъ его по лицу.

Театръ,—нашъ театръ великановъ,—въ ихъ рукахъ, это тоже своего рода хлыстъ, которымъ они мстятъ за обиду, хлещутъ толпу по лицу.

Они словно говорятъ прошедшей смотрѣть на нихъ публикѣ:

«Вы пришли смотрѣть на насъ и привели своихъ дѣтей только потому, что считаете насъ маленькими уродцами, а вы привыкли сами и приучаете дѣтей дѣлать себѣ изъ несчастій и недостатковъ ближняго предметъ для забавы и смѣха. Мы срываемъ маску съ уродства вашей природы. Мы разыгрываемъ предъ вашими подростками «Вѣднихъ овечекъ»—и вы позволяете имъ оставаться въ театрѣ. Мы играемъ пьесы худшія, чѣмъ тѣ, которыя ставятся въ вашихъ театрахъ, а хорошія играемъ хуже, чѣмъ ваши большіе артисты. Но вы все-таки охотнѣй приходите къ намъ.

Вы сидите въ театрѣ и не чувствуете, что мы заставляемъ васъ проходить предъ нами въ смѣшномъ балаганномъ кортежѣ, показывать себя намъ въ самомъ смѣшномъ и неприглядномъ видѣ любопытныхъ зѣвакъ, не доросшихъ до сознанія красоты и святости театра, бывшаго нѣкогда храмомъ.

Мы лилипуть тѣломъ, а вы, которые смотрите на насъ съ сознаніемъ нимаго превосходства, вы—не понимающіе своего убожества, жалкіе, маленькіе уродцы, лилипуть мысли и духа».

Но знаютъ-ли они со своей дѣтской душой, ютящейся въ дѣтскихъ тѣлахъ, что этому лилипуту мысли и духа имя легионъ, и что зовутъ его «обыватель».

С. Нагель.